

Люди Советской Львовщины

«УВАЖАЕМЫЙ Александр Дмитриевич! Был на спектакле. Вы взволновали меня своей искренностью и правдивостью. Вы любите народ, и народ платит Вам своей любовью. Не знаю Вас, но моя рука и сердце с Вами. Остап Вишня».

Это письмо Александр Гай получил во время гастролей в Киеве. Потом они встретились — писатель и актер. Встретились уже во Львове, куда приехал Остап Вишня. «Сидели в этой комнате, он — на этом диване...».

Я слушаю Александра Дмитриевича и пытаюсь представить их встречу. Комната №16 в театре по своему аскетическому убранству скорей напоминает кабинет, чем артистическую, вот только зеркало... Длинное зеркало вдоль стены. Сколько удивительных превращений артиста отразилось в его стекле... Легендарный разведчик Кузнецов, изящный доктор Астров, бунтующий Гамлет — как не похожи друг на друга эти и многие другие роли, сыгранные Гаем! И наконец, вершина его творчества — образ самого человеческого человека — Владимира Ильича Ленина, принесший артисту заслуженную славу одного из лучших исполнителей на Украине роли создателя великой партии коммунистов, вождя социалистической революции.

Мне повеселилось, — рассказывает Александр Дмитриевич, — играть Ленина в пьесах Н. Погодина «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая», позднее — в пьесах А. Штейна «Между ливнями» и В. Усланова «Покорение на Прометее». И каждый раз передо мной вставали вопросы: как, какими красками, при помощи каких выразительных средств можно воплотить образ Ильича, чтобы он был простой, как все, и великий, как никто?

Артист ищет характерные черты образа, изучает фотодокументы, рисунки художников, сделанные при жизни вождя, вслушивается в его голос. Но кроме внешнего сходства он хотел передать самое главное: Ленин, его жизнь являются для нас воплощением добра, вечной правды и разума.

Одновременно, — говорит Гай, — память искала тогда в своих тайниках все, что связано с Лениным. Детство. Надрывные гудки заводов. Морозный январский день. Слезы на глазах людей. Я плакал сам, и на всю жизнь запомнил эти слезы. Помню, как пришел с работы отец. Положил на стол тяжелые, сжатые в кулаки руки... Нет, я и теперь не могу сказать, что роль сыграна. Я только прикоснулся к ленинской теме, а она необозрима как ширь океана.

Каждая роль артиста — часть его души. Но образ Ленина требует отдачи всего сердца... И как благодарны слушатели — будь это рабочие в заводском цехе или студенты вуза, — когда перед ними выступает Александр Гай, рассказывает о работе над образом Ленина, читает монологи из спектаклей.

«Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше», — эти слова поэта как нельзя лучше характеризуют дальнейший творческий путь Гаю, его возросшую выскательность к себе, умение постигать философское содержание образа, психологическую глубину создаваемого характера. И как результат — новый успех, о котором народный артист СССР Юрий Завадский писал: «От души поздравляю украинских коллег и особенно исполнителя роли Гамлета, который отлично

справился с ролью такого масштаба, которая порой не под силу выдающимся мастерам сцены... Новая работа Александра Гаю — радостное явление в театральной жизни страны».

Да, каждая роль артиста — часть его души. Какой же богатой должна быть его душа, его интеллектуальный кругозор! Нельзя быть культурным актером, оставаясь некультурным человеком. Мало одного стихийного эмоционального «горения», пишет А. Гай в одной из своих статей, обращаясь к театральной молодежи. Всякое дарование тогда становится явлением в искусстве, если оно, как чудесный алмаз-самородок, будет отшлифовано трудом, творческой волей, целенаправленными усилиями художника, мас-

сам он страдал и горевал вместе со мной, но в то же время он утешал, успокаивал меня.

Я понесу тебе в душе на дни Облиту чаром свежости

й любви,
Твою красу я переллю в пісні,
Огонь очей в дзвінкії хвилі
мови...

— Фантастичні думи! Фантастичні мрії, — повторяла я за ним полные горькой иронии слова, но и в них столько было непокорности судьбе, столько веры в силу человеческого духа и любви к людям, что слезы благодарности хлынули у меня из глаз...

Александр Гай читал тогда лирическую драму Ивана Франко «Зів'яле листя».

Выступления его по радио и телевидению, чтение произве-

всмаивается в родные черты своего сына. И генерал приходит к своим сыновьям. Сколько их у него, спящих под обелисками, у которых бьет пламя вечного огня...

— Сыны мои... — произносит седой, усталый человек, и вместе с ним мы переживаем боль утраты. И вместе с Террачини восхищаемся подвигом советских людей, одолевших зло и жестокость. Наверное, это и есть великое чудо искусства.

ВЕЧЕР. Один из тех редких вечеров, когда Александр Дмитриевич не надо идти ни в театр, ни в консерваторию, а можно спокойно раскрыть толстые папки с фотографиями и взглянуть в них, восстанавливая в памяти пережитое. Ему стараются не мешать. Даже верный друг и слуга мохнатый пес Джура ступает по комнате бесшумно, чуть постукивая по паркету коготками, и, вздохнув, укладывается у ног. Но вечера воспо-

ча Ментена в пьесе львовского писателя М. Петренко «Суд памяти».

Незадолго до премьеры, выступая на собрании творческой интеллигенции Львовщины, А. Гай сказал:

— Спектакль о злодеяниях Ментена должен прозвучать как еще один выстрел по фашизму!

Спектакль — публицистический, страстный идет сегодня не только на сцене Львовского театра им. М. Заньковецкой. В эти дни заньковчане играют его в селах области, где вершились преступления гитлеровцев и украинских буржуазных националистов, где проливалась кровь невинных жертв фашизма.

МНОГО можно рассказать об Александре Дмитриевиче Гае, народном артисте СССР, профессоре Львовской консерватории им. Н. Лысенко. Им поставлены «Свадьба Фигаро» и «Похищение из

Главная роль

тера. И пример тому путь к мастерству, к высокому профессионализму самого Гаю.

МЕЧТА СТАТЬ АКТЕРОМ овладела им, когда он пятнадцатилетним подростком работал электриком-мотористом на заводе им. Петровского, бегал в Днепрпетровский драматический театр и в молодежную студию при областном радио, участвовал в радиопостановках. Потом Москва, работа на заводе и экзамены в студию МХАТа Второго. Приняли. Его учителями стали тогда прославленные корифеи сцены Николай Хмелев, Серафима Бирман.

Это были годы бурного становления искусства молодой Страны Советов. Перед юными строителями новой жизни раскрывался прекрасный мир поэзии, музыки, театра. В Бетховенском зале Большого театра, оббитом красным штофом, зазвучали голоса молодых актеров. Во всесоюзных конкурсах чтецов приняли участие Игорь Ильинский, Владимир Яхонтов, который потом станет другом Гаю. Вместе они будут на квартире у Яхонтова клеить на полу длинные свитки будущих литературных композиций.

На студии Центрального телеграфа Москвы, где было сосредоточено радиовещание нашей страны, Александр увидит, как добросовестно готовились к своим выступлениям по радио В. Качалов, О. Книппер-Чехова, В. Мейерхольд, Б. Щукин, Д. Журавлев. С улыбкой вспоминает он свою первую радиопередачу, когда студийцы изображали толпу, наблюдающую жестокий поединок боксеров (шла радиопостановка «Пятнадцать раундов» по рассказу Джека Лондона «Мексиканец»). «Стоя за спиной основного исполнителя Э. Гарина, мы то ревели, подражая толпе, то замирали, издавая приглушенные вздохи». Пройдут годы, и артист скажет о том, что радио научило его ценить слово, ощущать ответственность перед многомиллионным слушателем. Любовь к радио останется у него на всю жизнь.

...— У меня было большое горе, — рассказала мне как-то одна женщина. — Я потеряла родного мне человека и жила машинально, не зная, зачем, не радуясь жизни. И вот однажды включила репродуктор, да так и осталась стоять возле него, пока не дослушала до конца. Чей-то голос читал стихи. Удивительный голос, добрый и нежный. Казалось,

деный А. Пушкина в переводе М. Рылского, рассказов М. Коцюбинского, его радиопостановка «Эзоп» отмечены призами, дипломами, а за исполнение поэм «Неофити» и «Наймичка» артист удостоен звания лауреата республиканского конкурса чтецов.

НО РАССКАЗ об Александре Гае будет далеко не полным, если мы не вернемся снова в Москву, в тридцатые годы, когда, работая в театре им. Ермоловой и на радио, молодой актер закончил музыкальное училище им. Глазунова. Зачем? Просто любил музыку? Да нет, не просто. Музыка так же, как театр и радио, вошла в его жизнь навсегда, и не как увлечение, а как одна из сторон его деятельности.

В предвоенные годы А. Д. Гай и певец и ведущий дуэты Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии им. А. Александрова. Песни ансамбля, мужественные и суровые, словно овеянные дыханием приближавшихся грозных военных лет, знала вся страна. Пластинки с песнями о Ворошилове, о мчавшихся эшелонах, о белянских платочках, машущих вслед, были и у нас в доме.

В первые же дни Великой Отечественной войны молодой коммунист Александр Гай идет добровольцем на фронт. Вместе с другом, тоже автоматчиком, Сергеем Вольским испытали они тяжелые бои под Вязьмой, мерзли в окопах, читали стихи в блиндажах.

Актеры, пережившие войну... Пройдут годы, но они снова и снова будут надевать гимнастерки и шинели, выходить на сцену, терзать свою память и не щадить сердце, чтобы тем, кто не знал войны, с пронзительной правдой рассказывать о ней.

...Просмотр уже начался, двери парадного входа были закрыты, и опоздавшим пришлось идти через служебный. В опустевшем коридоре стоял, задумавшись о чем-то, седой генерал.

— Идите за мной! — тихо приказал он и повел за собой под низкие своды переходов « сумрак кулис. Не сразу дошло до сознания, что впереди идет народный артист СССР Борис Васильевич Романицкий. Шел спектакль по пьесе А. Корнейчука «Память сердца». И уже не Александр Гай, а итальянец Террачини, приехавший в Советский Союз, встречается со своей любовью, с невысказанным волнением

минаний все равно не получается, потому что разговор наш все время, как упрямый маятник, возвращается в сегодня. И это хорошо, когда человека больше интересует то, что происходит сегодня и будет завтра, а не то, что было вчера.

— Когда я приехал во Львов? Уже после войны. Пригласил меня друг-режиссер В. Ивченко в гости. Приехал я, и вот, — улыбается Гай, — задержался до сих пор.

Три десятилетия отданы львовской сцене.

Он рассказывает о Ярославе Галане, их встрече после репетиции пьесы Гоу и д'Юссо «Глубокие корни», в которой Гай играл писателя Мерика. Тогда у них зашла речь вообще о личности литератора, человека наблюдательного, думающего, анализирующего поступки своих современников.

— Мне очень помог этот разговор, — говорит Гай, — когда в дальнейшем надо было играть писателей. Вот почему так запомнились зрителю эти роли: Тригорин из пьесы А. Чехова «Чайка», писатель в пьесе А. Корнейчука «Страницы дневника», Григорий Сковорода в одноименном фильме, Михаил Коцюбинский в киноленте «Семья Коцюбинских»... Помогали глубокое знание литературы, всегдашнее стремление «во всем дойти до самой сути», многолетняя дружба с украинскими писателями-драматургами. И в этих взаимоотношениях артиста и писателя, особенно молодого автора, очень хорошо проявилась гражданственность Гаю, его политическая зоркость и принципиальность, умение отличить талантливое произведение от дешевой поделки. Если он замечает одаренность автора и актуальность поднятых в пьесе проблем, то приходит к единственно верному решению: «Надо помочь. Надо поддержать». И помог, создав великолепный образ мудрого горца Нестора Кучбы в спектакле по пьесе молодого драматурга Я. Верещака «Осень, когда зацвела яблоня». Как прекрасна старость Нестора, озаренная честно прожитой жизнью и молодым сердцем, всегда открытым навстречу людям... И как отвратительна старость, если тянется за ней вереница гнусных дел и тяжких преступлений! Это убедительно доказал Александр Гай своей новой работой, сыграв роль пытающегося уйти от возмездия фашистского пала-

сераля» Моцарта, «Травиата» Верди, «Алеко» Рахманинова, «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского, «Октябрь» Мурадели, «Милана» Г. Майборды.

Воспитанники Гаю успешно выступают на сценах театров Львова, Ленинграда, Киева, Новосибирска... Среди них — и завоевавшие всеобщее признание народные артисты УССР, солисты театра оперы и балета им. И. Франко Тамара Дидик и Александр Вральбел, и недавние выпускники консерватории, лауреаты международных конкурсов — Анатолий Липник, создавший образ Владимира Ильича Ленина в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» М. Карминского, и солистка Львовской филармонии Ольга Басистюк.

— Нелегко сделать по сцене первые шаги, — рассказывает Александр Вральбел. — Мне и всем нам, занимавшимся у Александра Дмитриевича, помогли его незабываемые вдохновенные уроки актерского мастерства. Очень это одаренный и обаятельный человек. Он прививал нам навыки артиста, учил культуре речи, умению жить в образе. Вншал отвращение к штампам в игре, к рутине, лениости.

◆ Душа обязана трудиться — этому правилу учит Александр Дмитриевич Гай и сам следует ему всю жизнь. Артист театра и кино, он сыграл около ста ролей, а может, и больше. Но самая главная его роль — роль гражданина социалистического общества, гражданина нашей страны — остается неизменной.

Учитель и наставник, критик-публицист, посвятивший большинство своих статей развитию и проблемам советского театра, воспитанию творческой молодежи, он горячо верит в созидательную силу искусства, в его назначение — говорить с современным человеком о самом главном, самом важном, пробуждать светлые чувства, формировать высокие идеалы.

— Какое Ваше самое большое желание? — спросила я Александра Дмитриевича, протасываясь.

И на этот традиционный вопрос он ответил сразу, не задумываясь: — Только одно — получить новую роль. Разве это не счастье для актера!

Р. КОНЬШЕВА.